

Журнал
Российской
государственной
библиотеки

ISSN 0869-608X

**Подводя
итоги**

Н.А. Тюлина.
Библиотечное
дело 2-й полови-
ны XX века

Стр. **18**

А.Н. Ванеев.
Библиотековедение в России в
конце XX века

Стр. **26**

В регионах

Т.Н. Иванова,
А.В. Молодцова.
Павленковские
библиотеки
Прикамья — фе-
номен культуры
русской провин-
ции

Стр. **90**

**Юбилей
библиотек**

И.Ю. Багрова.
Библиотеке
Конгресса —
200 лет

Стр. **93**

«Литературная летопись» Барона Брамбеуса: 200 лет со дня рождения О.И. Сенковского (1800—1858)

Осип Иванович Сенковский — литературный псевдоним Барон Брамбеус — русский писатель, журналист, востоковед, один из основателей русского востоковедения, с 1828 г. член-корреспондент Петербургской АН. Родился в старинной польской шляхетской семье. Блестяще изучил многие восточные языки. С 1822 по 1847 г. — профессор Петербургского университета. С 1834 г. по 1847 г. — редактор журнала «Библиотека для чтения», в котором печатал свои повести («восточные», светские, бытовые, сатирические, научно-философские), фельетоны, статьи, вел библиографический раздел «Литературная летопись».

С 1810-х гг. периодические издания в России получают все большее распространение и играют заметную роль в ее общественной и культурной жизни. «Мы получили форму литературы прежде самой ее существенности. У нас прежде учебных книг появляются журналы», — писал в 1826 г. Д.В. Веневитинов (10). «Нынешнее время, — отмечал П.М. Строев, — можно назвать золотым веком журналов» (30). Подчеркивая актуальность журнального материала, А.А. Бестужев говорил: «Книги пишутся для потомства, журналы — для современников» (32). «Это род книг, — писал о журналах А.А. Воейков в «Обзрении» 1821 г., — которые более всего расходятся по обширным областям нашего Отечества: их читают от Соловецка до Ширванского ханства и от Алеутских островов до островов Аландских, в кабинетах, в гостиных, передних, в городе, в деревне, в дороге... Журналисты показывают направление умов, степень народного образования, ход просвещения и большие или меньшие успехи в науках и искусствах и во всех родах словесности» (31). «Кто у нас не читает журналов, — замечал Н.А. Полевой, — тот ровно ничего русского не читает, по крайней мере новейшего, текущего» (20).

Любовь Моисеевна Равич,
кандидат педагогических наук
г. Санкт-Петербург

Понятно, что при такой популярности журналов любой материал, опубликованный в них, становился достоянием достаточно широкого круга читателей, в том числе и библиография, которая являлась непременным атрибутом всякого периодического издания. Когда М.П. Погодин напечатал программу «Москвитянина», она подверглась критике одного из под-

писчиков. «А ваша библиография? — вопрошал тот. — Кажется, будто вы не предполагаете знакомить ваших читателей со всеми без изъятия русскими книгами? Если это так, то это опять великая ваша ошибка. Без полной библиографии не будет ходу никакому журналу» (1).

Редакторам журналов приходилось сплошь и рядом оправдываться перед читателями, роптавшими на недостаточную полноту библиографических отделов. С 1814 г., когда Н.И. Греч ввел в «Сыне Отечества» специальный раздел «Современная русская библиография», отчет о выходящих книгах сделался «непременною статьею» каждого русского журнала.

«С развитием нашей журналистики, — писал в 1858 г. Г.Н. Геннади, — в отделе критики русских повременных изданий известия о выходящих книгах становились постепенно все подробнее и полнее. Попытки журналистов следить за ходом литературы и вносить всякую книжную новость в листки их изданий начались еще в прошлом веке. <...> Стали думать о возможной полноте этих отчетов и старались доставлять сведения о всех выходящих в России книгах. Разумеется, эта цель трудно достигаема, и притом журналисты, при всей ревности к библиографии, имеют более в виду отдавать критические отчеты о книгах и разбирать важнейшие сочинения, чем составлять годовые или помесечные списки книг, описывать их библиографически, располагать по системе, прилагать необходимые алфавитные списки авторов и проч. Журналы, имея обширный круг читателей, не могут выполнять требований строгой библиографии, удовлетворяющей особые нужды и цели, несовместимые с условиями периодического издания для большинства публики» (11).

Это замечание известного библиографа требует пристального внимания. Здесь совершенно отчетливо высказана мысль, разделявшаяся большинством людей того времени, — об особых целях журнальной библиографии и ее коренном отличии от «собственно» библиографии, рассчитанной на относительно узкий круг исследователей, библиотекарей и литераторов. Геннади здесь лишь сформулировал то, о чем уже догадывались русские журналисты в 1820—1830-х гг. Сама специфика общелитературных журналов, их широкий читательский адрес требовали такого освещения текущей печатной продукции, при котором оценочные функции явно превалировали над информационными.

Сенковский

О.И. Сенковский

Уже на ранней стадии критический элемент журнальной библиографии стал обязательным. Не случайно первые опыты публикации регистрационных списков на страницах общелитературной периодики были встречены в штыки как раз передовыми журналистами. Так, Н.И. Надеждин зло высмеял «похвальное усердие» М.П. Погодина, поместившего в своем журнале «Московский вестник» превосходный список книг за 1829 г., составленный В.Д. Комовским. По мнению Надеждина, главное в библиографическом отделе общелитературного журнала — не полнота информации, а оценка литературы. Именно это и привлекает к нему читателей, делает журнальную библиографию популярной. Здесь нужен «чичероне, который бы умел не только назвать имена, но и растолковать по родимым пятнам курьезные свойства всех многочисленных и многообразных изделий пишущего человечества. Для журнала сию должность может исправлять, как нельзя лучше, Рецензия <...>. С помощью сей подружки Библиография может если не задерживать, то по крайней мере зацеплять слегка летучее внимание» (33).

В первой половине XIX в. библиографическая информация в журналах обладала рядом особенностей, которые можно назвать вынужденными. Они были обусловлены не столько природой журнальной библиографии, сколько общим состоянием библиографии в стране, которое уже не удовлетворяло возросших потребностей читателя, особенно демократического. Отставание «собственно» библиографии привело к тому, что периодические издания брались (и частично выполняли) за задачи, органически им не свойственные. Недаром ни в какой другой стране библиография на страницах журналов никогда не имела такого общественного значения и авторитета, как в России.

В 1834 г. известный книгопродавец и издатель А.Ф. Смирдин решил издавать собственный журнал «Библиотека для чтения». В качестве редактора был приглашен профессор Петербургского университета, знаток европейских и восточных языков *Осип (Юлиан) Иванович Сенковский*, личность неординарная, европеец в полном смысле слова, отличавшийся широтой интересов и серьезным образованием. Для своих публикаций в журнале он избрал псевдоним, вскоре ставший известным всей России, — *Барон Брамбеус*.

В советской историко-литературной науке прочно установилось мнение о существовании некоего позорного триумvirата, в который входили И.И. Греч, Ф.В. Булгарин и О.И. Сенковский. В.А. Каверин в своем блестящем исследовании «Ба-

рон Брамбеус», вышедшем в 1929 г., опираясь на документы, опроверг эту околосредневековую легенду. Но известно, что легенды невероятно живучи, и чем менее аргументированы, тем более долговечны. Какова же ее предыстория?

Впервые эта легенда была высказана А.П. Пятковским в журнале «Современник» в 1865 г. В.А. Каверин полагал, что статья «не имеет ни малейшей научной ценности» (16). Можно привести множество свидетельств, опровергающих легенду о дружбе О.И. Сенковского с И.И. Гречем и Ф.В. Булгариным. «Мы не разделяем, — писал о журнале Сенковского А.И. Герцен, — мнения тех, которые видели в нем правительственное направление. Его читали с жадностью во всей России, чего никогда не случалось с газетой или книгой, изданной в интересах власти» (12). Известно, что Сенковский настолько презирал Греча и Булгарина, что даже отказывался находиться с ними в одном помещении. Вот картинка «с натуры», запечатленная в «Дневнике» А.В. Никитенко: «Вечер у Маркевича <...> Тут было много всякого народа. Сенковский явился как раз в то время, когда в гостиной были уже налицо Греч, Булгарин и Полевой. Он затрепетал от негодования. «Хорош, однако, Маркевич, — сказал он мне. — Приглашая меня, он обещался, что у него не будет ни Греча, ни Булгарина, ни Полевого, а между тем они все здесь!» Он тотчас же уехал» (25). Дело происходило в мае 1840 г., когда Полевой стал уже клеветником Булгарина. В.А. Каверин в своей книге цитирует пасквили и доносы Булгарина на Сенковского, не оставляя камня на камне от легенды о «триумvirате».

Русские периодические издания и до О.И. Сенковского отличались разнообразием содержания, но только ему удалось создать подлинно энциклопедический журнал. «Это был не просто журнал, — писал В.А. Каверин, — это было открытие читателя» (14). Сенковским был завоеван провинциальный читатель. Прав А.И. Герцен в том, что «Библиотеку для чтения» читала вся Россия, люди всех сословий, причем каждый здесь находил что-то ему особенно нужное. Широко образованный человек, О.И. Сенковский смело трактовал вопросы науки, промышленности, сельского хозяйства, литературы, искусства.

Именно эта просветительская тенденция была мишенью постоянных цензурных гонений, которым подвергались журнал и его редактор.

А.В. Никитенко, приставленный как цензор к «Библиотеке для чтения», но в душе сочувствовавший Сенковскому, в своем «Дневнике» неоднократно описывает подобные случаи. Первое предупреждение Сенковский получил уже через 10 дней после основания журнала. «С этим журналом, — отмечает Никитенко, — мне много забот. Правительство смотрит на него во все глаза. Шпионы точат на него свои когти» (23). Всего через неделю появляется новая запись: «На Сенковского, наконец, воздвиглась политическая буря. Я получил от министра приказание следить как можно строже за духом и направлением «Библиотеки для чтения». Приказание это такого рода, что если исполнять его в точности, то Сенковскому лучше идти куда-нибудь в писаря, чем оставаться в литературе» (24). В следующем году — новый скандал — из-за публикации Сенковским перевода стихотворения Виктора Гюго. Острый на язык Никитенко замечает по поводу очередного гонения на журнал в 1841 г.: «Наша юстиция, как известно, зависит от расположения духа, от пищеварения и прочих оснований волчьего нрава» (24). Естественно, что в 1848 г. Сенковский сразу же попадает в поле зрения пресловутого Бутурлинского комитета. Ему был сделан строжайший выговор за публикацию разгромной рецензии на безграмотную статью некоего Авдеева о храме Св. Петра в Риме. В дело вмешался и Синод, который также не упускал случая поддеть человека польского происхождения. Устав от преследований, Сенковский отошел от руководства журналом. Вот так обстояло дело с «правительственным» направлением «Библиотеки для чтения».

Все это, естественно, относится и к библиографическому разделу — «Литературной летописи». В.А. Каверин считал, что «Литературная летопись» является одним из самых известных разделов журнала (15), но ни один из

писавших о «Библиотеке для чтения» не принимал ее всерьез, обращая внимание преимущественно на связанные с нею скандальные истории. Так, Сенковский из чистого озорства называл бездарного писака Тимофеева преемником Пушкина, а Кукольника с его урапатриотическими драмами — новым Гете, что, впрочем, не помешало в дальнейшем давать о нем уничижительные отзывы. При этом не следует полагать, что Барон Брамбеус не ценил творчество нашего великого поэта. Он, к слову говоря, первый понял, что «Пиковая дама» (которую Пушкин опубликовал как раз в «Библиотеке для чтения») — это новая, небывалая русская проза (о чем и написал поэту). «Литературная летопись», — писал в 1841 г. В.Г. Белинский, — была нередко плосковата, иногда остроумна и всегда уморительно-забавна» (17). На эту «уморительность», заменявшую анализ библиографического отдела «Библиотеки для чтения», указывали как современники, так и позднейшие исследователи. «Больше всего г. Сенковский занимается разбором разного рода литературного сора, множеством всякого рода пустых книг, — писал Н.В. Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах», — над ними шутил, трюнил и показывал то остроумие, которое так нравится некоторым читателям» (29). Н.А. Полевой также считал, что библиография «Библиотеки для чтения» «была непрерывною шуткою» (26). Было принято на веру неоднократно высказываемое мнение Сенковского о том, что его критика есть просто «картина личных ощущений», не являющаяся «правилом для других». «Да разве в нашем веке, занятом, хлопотливом, заваленном книгами, или же разочарованном и постигшем *все* ничтожество книжных судей, всю суету книжного суда, возможна какая-нибудь другая критика, кроме веселого, беззаботного разговору с умным читателем, кроме прелестной беседы, в которой между добрыми друзьями так приятно сливаются в одну болтовню, в одно наслаждение погода, актриса, шутка, новая книга и другие пустяки?» (8) — вопрошал О.И. Сенковский своих читателей.

«Мне сказывали, — писал он, — будто бы кто-то говорил, что в Летописи нет критики. Вообразите, какое несчастье! В Летописи нет критики! Что же ей теперь делать? повеситься ли с отчаяния? или, принеся покаяние, надеть ночной колпак немецкого педанта, рассестись в засаленных и поломанных креслах какого-нибудь Готтшеда, нахмуриться, надуться и начать пытаться книги <...> И веселее ли вам будет, когда я, вместо обыкновенной моей беззаботной болтовни <...> стану пресерьезно, преторжественно, прескучно рассуждать о таких вещах, как, например, индейская басня или русский гекзамер? Очень сомневаюсь» (9). «Чем больше плохих книг, — откровенничал Сенковский, — тем веселее ей («Летописи». — Л.Р.) и читателям» (6).

Следует отметить, что на недостаток плохих книг Барон Брамбеус не мог пожаловаться. Стоит только просмотреть «Литературную летопись» за

1830-е гг., чтобы убедиться, что масса «серобумажной» продукции подавляла немногочисленные произведения писателей, ставших впоследствии классиками русской литературы, да и просто грамотные книги. Ходульные сочинения эпигонов романтизма, дикие поэмы, драмы, романы, творения неизвестного доносчика «Бурки» Федорова, Александра Орлова и Федота Кузьмичева (персонажей пародии Пушкина) — писак, среди которых даже Булгарин казался звездой первой величины, — все это давало Сенковскому повод для более чем скептического отношения к текущей печатной продукции. «Что, прошу покорно, можно сказать об этой лилипутской литературе?» — не без горечи вопрошал он. Все чаще на страницах «Литературной летописи» говорится о «самоотвержении», необходимом для рецензента, вынужденного читать и разбирать литературный хлам, «отвратительный для самого критика, который поставлен в жалкую необходимость *разнообразить оуждение*» (курсив Сенковского) (4).

Это мы теперь наивно считаем, что 30-е гг. прошлого столетия были золотым веком русской литературы, когда почти одновременно творили Жуковский, Пушкин, Баратынский, Тютчев, Лермонтов, Гоголь! Глядя на прошлое в телескоп, мы различаем только их. Но ведь рядовой читатель того времени нуждался и в более доступном чтении. Гении не могли заполнить все его лакуны. Не секрет, например, что у Булгарина с его псевдоисторическими романами была куда более обширная читательская аудитория, чем у Пушкина и Гоголя. И хотя с тех пор русский читатель стал грамотнее и разборчивее (и несравнимо многочисленнее), подобное положение, в общем, сохраняется и поныне. Только вот нет Барона Брамбеуса на современных авторов «лилипутских» книг!

В 1840 г., разбирая только что вышедшие «Стихотворения» Лермонтова, Сенковский писал в заключении обширной рецензии: «Жаль расстаться с такими милыми стихами: мне бы хотелось выписывать их до бесконечности и не говорить ни о чем более в нынешнем месяце. Увы! В том, что мне предстоит еще говорить, вам не предстоит никакой радости» (7).

Чтобы сделать хоть сколько-нибудь занимательным разговор о текущей издательской продукции, Сенковский использовал множество приемов: пародию, фельетон, драматическую сценку, где книги беседовали между собою, и т. п. Так он «разнообразил оуждение». Н.В. Здобнов полагал, что Сенковский позаимствовал многие из них у Шарля Нодье — известного критика, библиографа и библиофила. Но были и отечественные примеры. Такие опыты мы встречаем уже в «Сыне Отечества» декабрьского периода, в «Телескопе» Надеждина. В.Г. Белинский, вынужденный, работая у Краевского, разбирать все вновь выходящие книги, также искал способов оживить «разговор, подслушанный в книжной лавке» (27), всяческими приемами — и фельето-

ном, и пародией — и делал это не хуже остроумного Барона Брамбеуса, только он не возвел это в систему, относясь к критике отнюдь не как к «картине личных ощущений» и позволяя себе подобные шалости по отношению лишь к вовсе уж безнадежной книжной продукции.

Некоторые номера «Литературной летописи» представляли собой целые драматические сценки, где действуют Читатель, Читательница, сама «Летопись», стихотворения отдельных авторов и т. п. Например, в номере 26 за 1838 г. были помещены «Ночи Пюблик-Султан-Богодура», где изображены дочери — Критикзада и Иронизада, которые рассказывают Султану содержание новых книг, а он засыпает при чтении первой же повести. Иной раз Барон Брамбеус доходил до невозможного озорства. Так, не принимая творчества Н.В. Гоголя, он был особенно раздражен, когда тот назвал «Мертвые души» поэмой. Не имея возможности высказать свое мнение открыто, Сенковский прибегнул к запретному приему. После библиографического описания книги (без рецензии) он поместил несколько ничтожнейших книжонок и после каждой писал «сия поэма». Гоголь был в ярости...

Однако в конце 1830-х гг. «Литературная летопись» переживала кризис жанра, О.И. Сенковскому явно опротивело писать о «лилипутской литературе», и сквозь его обычные шутки начала пробиваться горечь человека, чувствующего бесплодность своего труда. Как только возникли «Отечественные записки», в которых В.Г. Белинский умудрялся разбирать от 400 до 500 книг в год, Сенковский сразу же уменьшает число рецензий, отказываясь от разбора низкопробной литературы. Он, наконец, получает возможность говорить преимущественно о книгах, «достойных похвалы и прочтения» (7).

С развитием журналистики и увеличением печатной продукции в сознании организаторов библиографических отделов все более укореняется мысль о необходимости подразделения книжного потока на «словесность» и «литературу». Ведению журнальной библиографии подлежала только вторая. «Это не литература, хотя она и печатная» (22), — говорил Н.А. Полевой о книгах, которые не включал в библиографический отдел «Московского телеграфа», хотя и стремился к определенной, довольно точно понимаемой полноте — к показу того, что составляет «ход» и «дух» литературы (19). Рекомендательной библиографии в то время не было и в помине. Функции такого рода, принимаемые на себя журналами, были чем-то вроде первоначальных, еще не вполне осознанных рекомендательно-библиографических опытов. Однако — и это следует подчеркнуть — в сознании журналистов подобная деятельность никогда не воспринималась как чисто библиографическая. Последняя мыслилась как нечто несравненно более академическое, адресованное лишь узкому кругу читателей.

Библиография, по мнению Полевого, это «наука описывать книги по известным правилам», она «касается собственно до названий, не входя в «сущность книг» (21). Вместе с тем от библиографии требуется научная добросовестность, она должна быть верной статистикой просвещения и книгопечатания. «Собственно» библиография, в отличие от журнальной, должна охватывать всю печатную продукцию, независимо от качества и содержания. Журнальная же библиография обязана «сказать о достоинстве вновь выходящего, замечательного сочинения определенным образом» (21). Полевой уже довольно отчетливо видел различия как в объекте, так и в целях между «собственно» библиографией и библиографией журнальной.

Еще более резко и отчетливо эта граница проводилась В.Г. Белинским. «Не все, что касается до литературы, входит в историю литературы, — писал он в 1842 г. — Многие поступают в ведомство статистики литературы, которая занимается всеми книгами и всеми писателями без изъятия, подводя их под числа и итоги иногда очень интересные и поучительные... Словесность лишена арены: она может интересовать только любознательных ученых, тружеников науки, книжников, литераторов, которые одни только и могут ею заниматься» (2).

Журнальная рецензия, которая обращает внимание, в отличие от библиографии, на произведения, достойные внимания в том или ином отноше-

Отражение русских книг в «Библиотеке для чтения»

Годы	Количество изданных книг*	Количество описаний и рецензий в «Литературной летописи»
1834	589	343
1835	655	322
1836	897	374
1837	1 010	421
1838	830	266
1839	878	197
1840	877	136
1841	783	111
1842	809	128
1843	822	165
1844	916	267
1845	867	119
1846	905	168
1847	975	124
1848	905	74
Всего	12 894	3 215

* По данным «Указателя» в ЖМНП, а за 1834—1836 гг. — по данным Публичной библиотеки.

нии, принадлежит, по выражению В.Г. Белинского, к «малой критике»: «Это — низшая, практическая критика, столь необходимая, столь важная, столь полезная и для публики и для журнала» (2). Если в начале своей деятельности в 1835 г. Белинский, вслед за журналистами 1820—1830-х гг., еще писал, что рецензия — это «не критика, а отзыв, простое мнение», то в конце жизни, имея за плечами многолетний опыт критико-библиографической работы в «Отечественных записках», он уже тяготился «двойным разделением критики на большую, или «собственно» критику, и малую, или рецензию» (3).

Эти проблемы занимали и О.И. Сенковского. Но если для «серобумажной» продукции было достаточно написанного им фельетона или пародии, то книги серьезного содержания требовали иного разговора.

«С помощью «Библиотеки для чтения» Сенковский ввел в интеллектуальный обиход русского общества научные вопросы, которые были достоянием крайне узкого круга специалистов, и сделал это широко, талантливо, умело, — писал В.А. Каверин. — Следует признать, что он был «классиком популяризации», причем это относится не только к востоковедению, но к археологии, физике, истории и главным образом естествознанию» (13). Каверин имеет в виду статьи Сенковского, но, может быть, еще в большей степени это характерно для «Литературной летописи».

Барон Брамбеус не упускает возможности сообщить читателю полезные сведения, даже когда разбирает беллетристические сочинения. Например, в рецензии на довольно посредственный роман Греча «Черная женщина» он излагает систему

взглядов на электричество и модный тогда магнетизм, о которых в романе не было и речи. В конце 1830-х — начале 1840-х гг. в «Литературной летописи» развлекательная тенденция явно уступает место серьезному разговору о дельных книгах. «Бросив под стол в сторону все эти чахлые повести, все эти безобразные романы, недостойные ни моего, но вашего внимания, — пишет он в 1838 г., — я отберу для вас, на этот месяц, несколько книг, но хороших, и вы будете мне благодарны — за указание вам на эти книги, которые стоят чтения, и за избавление вас от этого литературного хлама, о котором нельзя сказать доброго слова» (5).

Что же это за книги, которые Сенковский выделял из общей массы печатной продукции? Это в основном сочинения по проблемам естественных и точных наук, технологии, сельского хозяйства, медицины, экономики, реже — по историческим и филологическим наукам, — все, что импонировало практическому уму «западника» Барона Брамбеуса.

Эта весьма существенная сторона библиографического отдела «Библиотеки для чтения» не получила должного признания исследователей. Любопытно, что как раз просветительская, популяризаторская деятельность Сенковского-рецензента вызывала особенно ожесточенные цензурные репрессии. В 1850 г. в письме к П.Р. Фурману он жаловался, что его «познания в химии и растительной биологии <...> цензура уничтожала в печати» (28).

В 1834—1837 гг. русская печатная продукция отражалась в «Литературной летописи» весьма широко

ко. «Большую часть книг публика узнает из «Библиотеки» Сенковского» (18), — отмечали тогда современники. Так было до появления «Отечественных записок» Краевского, после чего тираж «Библиотеки для чтения» упал с пяти-семи тысяч в лучшие годы существования журнала до четырех. По моим подсчетам «Литературная летопись» охватывала в среднем около половины русской печатной продукции, если взять за основу «Указатель вновь выходящих книг», печатавшийся в «Журнале Министерства народного просвещения», и изъять из него книги, изданные в Царстве Польском и проходившие духовную цензуру (см. табл.).

Таким образом, в «Библиотеке для чтения» в среднем ежегодно описывалось и рецензировалось 250—300 книг. В это число не входили официальные издания (около 15% всей книжной продукции), книги на иностранных языках, которых в России выходило немало, детские и учебные издания, книги на языках народов России (украинском, грузинском, армянском, еврейском и др.), которые в журнале не рецензировались. Таким образом, можно считать, что в «Библиотеке для чтения», так же как в издававшемся до нее «Московском телеграфе», рецензировалась примерно половина книг на русском языке.

Можно без преувеличения утверждать, что «Литературная летопись» «Библиотеки для чтения» сыграла заметную роль как в развитии отечественной библиографии, так и в формировании русского читателя.

Список использованной литературы

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. — СПб., 1892. — Т. 5. — С. 505—506.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. — М., 1954. — Т. 5. — С. 636—637.
3. Там же. — 1956. — Т. 10. — С. 49.
4. Библиотека для чтения. — 1838. — Т. 29. — С. 61.
5. Там же. — 1839. — Т. 35. — С. 1.
6. Там же. — 1840. — Т. 42. — С. 14.
7. Там же. — 1840. — Т. 43. — С. 11.
8. Там же. — 1841. — Т. 45. — С. 16.
9. Там же. — С. 15—17.
10. Веневитинов Д.В. Сочинения. — СПб., 1831. — Т. 2. — С. 29.
11. Геннади Г.Н. Литература русской библиографии. Опись библиографических книг и статей, изданных в России. — СПб., 1858. — С. 8—9.
12. Герцен А.И. Полн. собр. соч. — М., 1956. — Т. 7. — С. 220.
13. Каверин В.А. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». — М., 1966. — С. 5.
14. Там же. — С. 53.
15. Там же. — С. 176.
16. Там же. — С. 218.
17. Литературное наследство. — М., 1948. — Т. 55. — С. 324.
18. Молва. — 1836. — Ч. 12. — С. 13.
19. Московский телеграф. — 1825. — Ч. 1. — С. 89.
20. Там же. — 1827. — Ч. 13. — С. 121.
21. Там же. — 1828. — Ч. 21. — С. 116.
22. Там же. — 1831. — Ч. 39. — С. 488.
23. Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. — М., 1955. — Т. 1. — С. 133.
24. Там же. — С. 134.
25. Там же. — С. 221.
26. Полевой Н.А. Очерки русской литературы. — СПб., 1839. — С. XVI.
27. Русская журналистика. Шестидесятые годы. — М.; Л., 1930. — С. 177.
28. Русская старина. — 1871. — Т. 3, № 4. — С. 528—529.
29. Современник. — 1836. — № 1. — С. 199—200.
30. Современный наблюдатель российской словесности. — 1815. — Ч. 1, № 1. — С. 38.
31. Сын Отечества. — 1821. — Ч. 68. — С. 3—4.
32. Там же. — 1822. — Ч. 79. — С. 258.
33. Телескоп. — 1831. — Ч. 1, № 1. — С. 113.